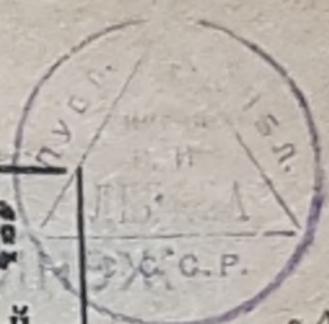

1917 г.
1 Апрель

ВОЕННЫЕ ВЪСНУКИ

№
7-й

фр-29-281

ИЗДАНІЯ

ВЪСНУКИ

ГОДЪ XII-Й

РЕДАКЦІЯ

Подписная цѣна: на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ
официал. ч. 20 коп. въ неофициал. — 10 коп. за строку петита
за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к. Адресъ редакціи: Гор.
Вѣрный, Семирѣченской области

ЧАСТЬ ОБЪЯВЛЕНІЯ

Клятвенное обѣщаніе.

Клянусь честью офицера (солдата)
и гражданина и обѣщаю передъ Богомъ
и своей совѣстью быть вѣрнымъ и не-
измѣнно преданнымъ Россійскому Го-
сударству, какъ своему Отечеству. Кля-
нусь служить ему до послѣдней капли
крови, всемѣрно способствуя славѣ и
процвѣтанію русскаго государства. Обя-
зуюсь повиноваться Временному Пра-
вительству, нынѣ возглавляющему Рос-
сійское Государство, впредь до установ-
ленія образа правленія волею народа
при посредствѣ Учредительнаго Собра-
нія. Возложенный на меня долгъ служ-
бы буду выполнять съ полнымъ напря-

женіемъ силъ, имѣя въ помыслахъ исключительно пользу Государству и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всѣмъ поставленнымъ надо мною начальникамъ, чиня имъ полное послушаніе во всѣхъ случаяхъ, когда это требуетъ мой долгъ офицера (солдата) и гражданина передъ Отечествомъ. Клянусь быть честнымъ, добросовѣстнымъ, храбрымъ офицеромъ (солдатомъ) и не нарушать своей клятвы изъ-за корысти, родства, дружбы и вражды.

Въ заключеніе данной мною клятвы осѣняю себя крестнымъ знаменіемъ и ниже подписуюсь. (*)

Указъ изъ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА

Преосвященному ИННОКЕНТІЮ, Епископу Туркестанскому и Ташкентскому.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 16 декабря 1916 г. за № 38668, журналъ засѣданія Комиссіи для предварительнаго разсмотрѣнія проекта смѣты специальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода на 1917 г., въ каковомъ журналѣ, между прочимъ, изложено: (п. 1) „для уравниванія дохода по Синодальнымъ типографіямъ съ чрезмѣрно увеличившимся расходомъ, увеличить продажную цѣну пробѣльныхъ листовъ для церковно-приходской отчетности до 3, 4 и 5 коп. за экземпляръ, съ предоставленіемъ права печатать какъ эти документы, такъ и другія Синодальныя изданія на бумагѣ дешевой не по составу ея, а по рыночной цѣнѣ, впредь до на-

(*) (Текстъ клятв. общ-я полученъ изъ Семирѣчен. Обл. Правл.)

ступленія нормальныхъ условій для промышленно-сти“. **Приказали:** Выслушавъ означенный журналъ и принимая во вниманіе, что въ виду значительнаго вздорожанія бумаги и рабочихъ рукъ, явилась настоятельная необходимость повысить продажную цѣну пробѣльныхъ листовъ для церковно-приходской отчетности до 3, 4 и 5 коп. за экземпляръ, Святѣйшій Синодъ **опредѣляетъ:** разрѣшить Епархіальнымъ Преосвященнымъ повысить, не испрашивая на то особаго разрѣшенія у Святѣйшаго Синода, цѣну на пробѣльные листы для указанной отчетности пропорціонально увеличенію цѣны на означенные бланки Синодалъною типографіею; о чемъ и послать Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярные указы, а въ Хозяйственное Управление и Контроль при Святѣйшемъ Синодѣ передать выписки изъ сего опредѣленія. Января „18“ дня 1917 г. № 1.

На указѣ семь резолюція Его Преосвященства, отъ 23 февраля 1917 г. за № 666, положена такая. „Въ Консисторію къ исполненію“.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Н а г р а д ы.

Въ воздаяніе отлично-усердной пастырской службы, а такъ-же за полезную и выдающуюся общественную дѣятельность, связанную съ военнымъ временемъ и киргизскимъ мятежомъ, почитаю долгомъ справедливости наградить, кромѣ представленныхъ Св. Синоду, ко дню Св. Пасхи текущаго года служащихъ лицъ епархіальнаго духовенства:

Намилавкой: Священниковъ: В. Калинина,

Е. Марчевскаго,

Д. Михайловскаго,

А. Богословскаго,

Александра Ефимова,

Н. Бурова,

Снуфьюю: Священниковъ: Е. Звѣрева,

Г. Лазурьевскаго,

К. Шаповалова,

І. Моисея,
 В. Попова,
 І. Чулкова,
 Ан. Звѣрева,
 Ващенко,
 К. Синусова,
 П. Зимовнаго,
Набедренникомъ: Священникъ Игн. Иванова,
 Н. Гаряева,
 І. Цѣпкава,
 К. Звѣрева,
 В. Чернецкаго,
 М. Долиндовскаго,
 В. Сорокина,
 Гаврилова,
 А. Пискановскаго,
 М. Семенцева,
 А. Величкина,
 Д. Морозова,
 С. Якушова,
 Т. Сась,
 М. Шароватова,
 В. Дерябкина,
 В. Колмыкова,
 А. Гурьянова,
 Г. Петровича,
 І. Демидовскаго,
 С. Любомірова.

Возбудить ходатайство о
 снятіи судимости і зъ по-
 служныхъ списковъ слѣду-
 ющихъ священниковъ:

П. Далматова,
 Пр. Куницина,
 Н. Сумнѣвича,
 М. Ковалева,
 и Ф. Пенягина.

Всѣмъ же остальнымъ священно-и-церковно
 слжителямъ церкви Туркестанской, потрудившимся
 и труждающимся на пастырскомъ поприщѣ и въ дѣ-
 лѣ помощи семьямъ взятыхъ на военную службу
 лицъ, а такъ же бѣженцамъ, въ служеніи воинскимъ
 частямъ, пострадавшимъ отъ киргизскаго мятежа и
 т. д., объявляю моею искренною благодарностью съ
 призываніемъ на нихъ Божія благословенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ соотвѣтствіе со словомъ Божіимъ и распоряженіямъ Св. Синода, приглашаю все епархіальное духовенство всѣми мѣрами способствовать Временному Правительству, его органамъ и мѣстнымъ организаціямъ въ поддержаніи порядка и спокойствія внутри отечества и въ подготовленіи побѣды надъ врагами внѣшними и отнюдь не вносить никакого замѣшательства въ современный строй общественной и государственной жизни. (31 Марта 1917 г. № 870).

Епископъ Иннокентій.

Докладъ Туркестанской Духовной Консistorіи, на имя Его Преосвященства, отъ 5 марта 1917 г. за № 2268. Указомъ Св. Синода, отъ 3 сентября 1910 г. за № 11655, Туркестанскому Епархіальному Начальству разрѣшено было взимать съ церкви епархіи за каждый, синодальнаго изданія, бланковый листъ для церковнаго писмоводства по 7 коп. (вмѣсто уплачиваемыхъ Синодальной Типографіи одной, двухъ и трехъ коп. за листъ), причемъ разницу между суммой, поступающей за бланки отъ причтовъ и посылаемой въ Синодальную Типографію, разрѣшено было оставлять въ распоряженіи Консistorіи на увеличеніе содержанія служащихъ въ Канцеляріи ея. Остававшаяся въ распоряженіи Консistorіи, сумма, по денежнымъ книгамъ Консistorіи за послѣдніе три года, выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: за 1914 г. 3414 р. 38 к., за 1915 г. 3235 р. 25 и за 1916 г. 3205 р. 76 к., а въ среднемъ итогъ 3218 р. Нынѣ съ повышеніемъ цѣны на пробѣльные листы для церковной отчетности въ общемъ на двѣ копейки за каждый листъ, о чемъ дано знать указомъ Св. Синода на имя ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА, отъ 18 января с. г. за № 1, сумма эта соответственно должна уменьшиться. Такъ какъ по даннымъ за послѣдніе три года изъ Консistorіи требовалось для надобностей церковнаго писмоводства въ среднемъ 72689 листовъ, то отъ новышенія платы въ Синодальную Типографію уменьшеніе это должно выразиться въ 1453 р. 78 коп., каковая цифра состав-

вляеть около 4/9 средняго годового поступленія на увеличеніе содержанія служащихъ Консистеріи. Поэтому, въ видахъ удержанія суммы этого поступленія на высотѣ предшествующихъ лѣтъ, имѣя въ виду вышеупомянутый указъ Св. Синода, отъ 18 января с. г. за № 1, Консистерія почтительнѣйше просить разрѣшенія ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА повысить цѣну на отпускаемые ею пробѣльные бланки для церковнаго письмоводства, соотвѣтственно увеличенію цѣны на бланки Синодальною Типографіею, на двѣ копѣйки за каждый листъ, т. е. **взирать по 9 коп за листъ.** Подлинный за надлежащимъ подписомъ.

На подлинномъ резолюція Его Преосвященства, отъ 10 марта с. г. за № 789, положена такая: „Утверждается. Синодальный указъ и настоящій докладъ напечатать въ Епар. Вѣд.“

На основаніи изложеннаго, **Туркестанской Духовной Консистеріей постановлено:** съ пропечатаніемъ въ Епархіяльныхъ Вѣдомостяхъ вышеприведеннаго доклада и резолюціи на немъ Его Преосвященства, предписать причтамъ и старостамъ епархіи представить на 1918 годъ черезъ благочинныхъ и впредь до особаго распоряженія представлять за каждый выписываемый изъ Консистеріи бланковый листъ для церковнаго письмоводства по девяти копейкамъ, а благочиннымъ, представившимъ уже въ Консистерію требовательныя вѣдомости на бланковый матеріалъ въ 1918 г., потребовать тотъ причтовъ и представить въ Консистерію дополнительную плату въ 2 коп., за каждый потребованный листъ.

Докладъ Туркестанской Духовной Консистеріи, на имя Его Преосвященства, отъ 8 марта 1917 г. за № 2309.

Но смѣль Св. Синода на канцелярскіе и хозяйственныя расходы Консистеріи отпускается ежегодно по 400 р. Изъ этой суммы Консистерія должна удовлетворять слѣдующія свои потребности: 1) **хозяйственныя** — отапливать зданіе Консистеріи, освѣщать олео, нанимать прислугу, поддерживать чистоту внутри зданія и снаружи, платить за воду, мощнымъ сторожамъ, чистить трубы, клозеты, помойныя ямы,

и т. п. и 2) канцелярскія-пріобрѣтатъ канцелярскія принадлежности-бумагу, чернила, перья, бланки, переплетать книги и проч. Вышеозначенная сумма съ давняго уже времени цѣликомъ поглащается расходами на хозяйственныя надобности, почему для покрытія расходовъ на собственно канцелярскія нужды Консисторія поставлена была и поставляется въ необходимость изыскивать мѣстные источники. Къ числу этихъ источниковъ относятся слѣдующіе: въ 1910 г., на основаніи протокольнаго опредѣленія епархіальнаго начальства, отъ 20-28 іюля за № 1471/1882, Консисторіей предписано духовенству епархіи, вмѣстѣ съ представляемыми въ Консисторію для храненія метрическими книгами, исповѣдными и клировыми вѣдомостями, присылать въ Консисторію на переплетъ первыхъ и вторыхъ по 25 коп. и третьихъ по 15 к. за каждый экземпляръ (Турк. Епарх. Вѣд. № 15, 16 и 17 за 1910 г.); въ 1911 г. циркулярнымъ указомъ Консисторіи отъ 56 іюля (Турк. Епарх. Вѣд. № 15) предписано благочиннымъ и причтамъ представлять, вмѣстѣ съ требовательными вѣдомостями, на укупорку высылаемаго изъ Консисторіи бланковаго матеріала не менѣе одной восьмой причитающейся за бланковый матеріалъ суммы. Указанные источники и прежде составляли сумму, едва достаточную для покрытія текущихъ канцелярскихъ нуждъ Консисторіи, въ послѣднее же время увеличилась какъ стоимость бумаги и прочихъ канцелярскихъ принадлежностей, такъ и стоимость укупорочнаго матеріала-маты, бичевы, шнура, сургуча и т. п., равно и стоимость переплета поступающихъ въ Консисторію для храненія документовъ. Главный укупорочный матеріалъ въ 1914 г. обходился Консисторіи: мата-50 к. кусокъ, бичева-80 к. фунтъ, 1 арш. шнура 1 коп., сургучъ № 2-60 к.; нынѣ же кусокъ мата стоитъ 2 р. 50 к. и 3 р., бичева-4 р. фунтъ, 1 арш. шнура 5 коп., фунтъ сургуча № 2-2 р. 20 к. и № 3-2 р. Укупорочнаго матеріала до войны пріобрѣталось ежегодно на сумму около 150 р., нынѣ стоимость его нужно считать въ четыре раза болѣе. Равнымъ образомъ увеличилась стоимость переплета книгъ. Переплетъ одного тома метрическихъ книгъ и клировыхъ вѣдомостей обходился ранѣе по 1 р., а теперь обойдется не менѣе 2 р. исповѣдныхъ рос-

писей-ранѣе 40 к., а нынѣ не менѣе 1 р. 50 к. Если принять во вниманіе, что присылаемыя на храненіе въ Консисторію метрическія книги переплетались за каждый годъ въ 70-80 томахъ, клировыя вѣдомости въ 6 томахъ, исповѣдныя вѣдомости въ 40 томахъ, то стоимость переплета въ сравненіи съ прежними годами увеличится на 70-80 р. + 6 р. + 44 р., итого на 120-130 р. Въ 1916 г. на переплетъ названныхъ документовъ поступило 122 р. 30 к., такая же приблизительно сумма ожидается и въ текущемъ 1917 г. При необходимости переплести эти документы, окажется по этой статьѣ дефицитъ около 100 р., который долженъ быть пополненъ изъ другой какой-нибудь суммы. Такимъ образомъ, можно ожидать, что вышепомянутыхъ, уже имѣющихся въ распоряженіи Консисторіи источниковъ на укупорку и переплетъ, окажется недостаточно, поему Консисторія полагала-бы: 1) временно, впредь до пониженія цѣнъ на рабочія руки и матеріалы, взимать съ церквей на переплетъ метрическихъ книгъ вмѣсто 25 к. - 65 к., исповѣднихъ росписей - 50 к.; плату, взимаемую на переплетъ клировыхъ вѣдомостей, оставить прежнюю, 2) повысить плату и за укупорку, опредѣливъ ее въ $\frac{1}{5}$ части суммы, причитающейся за требуемый изъ Консисторіи бланковый матеріалъ. Объ изложенномъ Консисторія почтительнѣйше докладываетъ на Архипастырское благовоззрѣніе ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА. Подлинный за надлежащимъ подписомъ.

На подлинномъ резолюція Его Преосвященства отъ 9 марта с. г. за № 769, положена такая: „Исполнить, опубликовавъ сей докладъ полностью въ Епарх. Вѣд.“

На основаніи вышеизложеннаго, Туркестанской Духовной Консисторіей постановлено: вышеприведенный докладъ и резолюцію на немъ Его Преосвященства напечатать въ Туркестанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенства епархіи и соотвѣтствующему исполненію съ предписаніемъ благочиннымъ, представившимъ уже требованія на бланковый матеріалъ въ потребность 1918 г., истребовать отъ подвѣдомыхъ церквей и выслать въ Консисторію деньги на укупорку по новому расчету,

т. е. въ размѣрѣ $\frac{1}{5}$ части суммы, причитающей за потребованный бланковый матеріалъ, исчисливъ таковую по стоимости каждаго листа 9 коп.

Перемѣны по службѣ.

13 сего марта Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, Епископомъ Туркестанскимъ и Ташкентскимъ, рукоположенъ въ санъ священника къ Лепсинскому Николаевскому собору состоящій на должности псаломщика Колпаковской Свято-Троицкой церкви діаконъ *Григорій Громовъ*.

19 сего марта Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, Епископомъ Туркестанскимъ и Ташкентскимъ, рукоположенъ въ санъ священника къ Димитріевской церкви сел. Зайцевскаго, Вѣрненскаго у., состоящій на должности псаломщика Копальской Николаевской церкви діаконъ *Романъ Марченковъ*.

Резолюціями Его Преосвященства: отъ 10 сего марта за № 780, состоящій на должности псаломщика Лепсинскаго Николаевскаго собора священникъ *Іоаннъ Увѣровъ*, согласно прошенію, съ 1-го апрѣля с. г., назначенъ настоятелемъ прихода сел. Мѣщанскаго, Джаркентскаго у., съ временнымъ откомандированіемъ для письменныхъ занятій въ Консistorіи; отъ того же 10 марта за № 781, состоящій на должности псаломщика Колпаковской Свято-Троицкой церкви діаконъ *Григорій Громовъ*, согласно прошенію, съ 1-го апрѣля с. г. перемѣщенъ на псаломщическую вакансію къ Лепсинскому Николаевскому собору, съ рукоположеніемъ въ санъ священника; отъ 13 того же марта за № 801, состоящій на должности псаломщика Кокандскаго собора священникъ *Михаилъ Бюляничевъ* перемѣщенъ на должность псаломщика къ Михаило-Архангельской церкви гор. Намангана; отъ 15 того же марта за № 843, состоящій на должности псаломщика Копальской Николаевской церкви діаконъ *Романъ Марченковъ* назначенъ въ ст. Джаланашскую, Джаркентскаго у., съ причисленіемъ къ церкви сел. Зайцевскаго, Вѣрненскаго у.

О церковныхъ старостахъ.

Резолюціями Его Преосвященства: отъ 9 марта 1917 г. за № 767, поселянинъ *Давидъ Никифоровъ Даньковъ* утверждень въ должности старосты Николаевской церкви (ст. Николаевской, Мангишлакского уѣзда, на второе трехлѣтіе отъ 10 того-же марта за № 790, крестьянинъ *Афанасій Максимовъ Писаренковъ* утверждень въ должности старосты Св.-Георгіевскаго молитвеннаго дома сел. Военно-Антоновскаго, Пишпекскаго дома; отъ 18 того-же марта № 836, крестьянинъ *Іоаннъ Прокопѣевъ Волобуевъ* утверждень въ должности старосты Іоанно-Богословской церкви, Ошскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

По клятвенному обѣщанію, пропечатанному выше, 19 марта, послѣ Божественной литургіи, въ кафедральномъ соборѣ присягали, по почину военно-гражданской власти, всѣ граждане города Вѣрнаго. Предъ присягой Преосвященный Иннокентій, изъяснивъ великое, поученіе Православной Церкви, значеніе присяги вообще и въ частности въ переживаемый Родиной моментъ, просилъ, между прочимъ, паству объединиться всѣмъ и каждому съ Временнымъ Правительствомъ и всячески помогать Ему въ дѣлѣ водворенія въ мятущейся пока странѣ мира, тишины, порядка, правды и справедливости, особливо же и первѣе всего въ усиліяхъ Его изгнать врага и супостата изъ земли Русской, да проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Борьба идетъ, - говорилъ Владыко на жизнь и смерть за честь, достоинство цѣлость и свободу не только Россіи, а и всего человѣчества! Текстъ присяги Владыко прочелъ звучнымъ, проникновеннымъ голосомъ лично самъ, а всѣ присутствующіе Ему вторили. Въ заключеніе сего торжественнаго акта, совершено было Господу Богу молебствіе объ утишеніи страстей и о побѣдѣ надъ лютымъ врагомъ.

Редакторъ офиц. ч., Секретарь Консисторіи

М. Боюявленскій.

ЧАСТЬ ПЕРВОУЧАЩАЯ

Христось Воскресе!

Снова оживаетъ природа, яркая зелень растений и теплые лучи весенняго солнца снова, веселятъ сердце, челоуѣка. Изъ устъ въ уста переходитъ радостное привѣтствіе великаго Христіанскаго праздника: „Христось Воскресе“; какъ ранѣе, гуль колоколовъ наполняетъ воздухъ и душа вѣрующаго челоуѣка переживаетъ дивныя минуты ей только одной понятной радости. Но печальное сознаніе надвигающихся грозныхъ событій, внутреннее бушующее море политическихъ страстей значительно понижаетъ эту свѣтлую радость.

Невольно, изъ дали вѣковъ выплываютъ событія минувшей исторіи нашей многострадальной родины: встаютъ и проходятъ тѣни великихъ дѣятелей смутнаго времени-выразителей тогдашней великой мощи кроткаго сердцемъ, но великаго духомъ русскаго народа и изъ глубины сердца вырывается молитвенный вопль:

„Господи, спаси родину нашу, благослови начало новой жизни русскаго народа за его многовѣковое терпѣніе, за кротость, за великое смиреніе и вѣру въ благой Твой промыслъ о немъ!“

И встревоженная мысль въ урокахъ прошлаго усиленно ищетъ опоры для своихъ надеждъ и ожиданій въ невѣдомомъ будущемъ. Въ великихъ мукахъ всегда рождалась свобода и счастье народовъ міра. Неужели не зачтутся народу страстотерпцу его прошлыя страданія и радость не освѣтитъ ему новый путь жизни? Неужели еще долго не разсѣются сгустившіяся надъ землею тучи и свѣтлый лучъ солнца не озаритъ блуждающихъ въ трезогѣ людей? Пошли же, Господи, силу твоему народу донести возложенный на него крестъ до конца и увидѣть царство мира, свободы и радости. Пусть осуществитъ онъ свою миссію народа правдолюбца и

откроетъ народамъ міра путь къ Твоей Святой Правдѣ. Великій въ своемъ многовѣковомъ терпѣніи, онъ будетъ не менѣ великъ и въ своемъ великодушіи, когда, осуществивъ свое призваніе, призоветъ всѣ народы міра насладиться благами мира.

И мы вѣримъ, что признанная народами основой міровой жизни и дѣятельности, *борьба за существованіе*, разжигающая только страсти людей и создавшая столько ужасныхъ катастрофъ въ политической и религіозной жизни народовъ, уступитъ тогда мѣсто неизмѣримо высшимъ побужденіямъ — любви, свободѣ и братству.

Русскій народъ скажетъ свое слово народамъ міра и это слово будетъ послѣднимъ, ибо оно принесетъ всѣмъ полную свободу въ добрѣ. И тогда наступитъ великій праздникъ воскресенія всего міра отъ грѣха и нравственнаго тлѣнія „въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ и нынѣшнее привѣтствіе „Христосъ Воскресе“ вмѣстѣ съ нами повторятъ всѣ народы міра.

Картинки съ натуры.

Восходящее солнце золотитъ своими лучами купола храма. Воскресенье. Благовѣстятъ къ Литургіи.

Ученики, собравшись въ просторномъ школьномъ корридорѣ, замѣняющемъ рекреационный залъ, ждутъ учителя, который сегодня долженъ по расписанію молиться съ ними Богу въ храмѣ.

Звонъ оконченъ. Оконченъ и трезвонъ. Учителя все нѣтъ. Ученики одинъ по одному разбредаются: старшіе — покурить, малыши — пошалить, а болѣе независимые и совсѣмъ изъ училища.

Проходитъ добрыхъ полчаса.

Идетъ... идетъ! Все смолкло. Хлопнула дверь, соединяющая квартиру начальника училища со школьнымъ зданіемъ, и на порогѣ корридора показалась внушительная фигура „дежурнаго по церкви“. Прежде всего г. дежурный спѣшитъ въ учительскую за справкой: авось не ему сегодня идти въ храмъ! Быстро подходитъ онъ къ вывѣщенному на стѣнѣ расписанію, но быстро и отходить, безнадежно махнувъ рукой и что-то процѣдивъ сквозь зубы.

Заканчивали „Херувимскую“ когда явились въ храмъ запоздалые богомольцы. Церковь полна, а нужно пробраться въ лѣвый придѣлъ. Шумъ, толкотня, протесты богомольцевъ...

Понедѣльникъ. 8^{1/2} часовъ утра. Всѣ учащіе въ учительской.

— „Батюшка, обращается начальникъ училища къ законоучителю (онъ-же приходскій священникъ), Вы бы внушили дѣтямъ исправивъ посѣщать храмъ. Сами видали, что вчера было.“

— „Я повторяю, говоритъ законоучитель, и на сей разъ все одно и тоже. Дежурный учитель долженъ приходить въ училище до звона обязательно. дѣлать перекличку и, какъ только кончится звонъ, идти въ церковь. Такъ у насъ было раньше и все выходило по хорошему.“

— „Ну да что такъ толковать о томъ, что было раньше..... А знаете, батюшка, въ прошлую ревизию начальство сильно интересовалось Вашей работой по училищу. И у меня, какъ у начальника, разспрашивало кое о чемъ..... А развѣ хорошо, что дѣти избѣгаютъ посѣщенія церкви!...“

II

Большая перемѣна. Учащіе пьютъ въ учительской чай.

— „Батюшка, спрашиваетъ законоучителя одинъ изъ учителей, Вы въ слѣдующее Воскресеніе дома служите, или въ поселкѣ?“

— „Дома. А что?“

— „Вотъ несчастіе: моя, вѣдь, очередь въ церковь идти.“

— „Бога побойтесь, что Вы говорите!“

Нѣтъ, батюшка, я вообще люблю ходить въ церковь. Когда бываю въ Москвѣ, всегда захожу въ Успенскій соборъ. Вотъ гдѣ пѣвчіе, такъ пѣвчіе — лучше оперныхъ. А діакона Розова Вы, батюшка, слышали? Вотъ голосина, такъ голосина-въ оперу годится.“

— „Не забывайте, NN, что Вы воспитатель юношества!“

— „Ну что же что воспитатель. Развѣ я обязанъ дѣлать то, что обязаны ученики дѣлать! Было время и я былъ ученикомъ, а теперь я учитель. Пусть жалованья вдвое больше платятъ, тогда и ходить въ церковь каждое воскресеніе будетъ за что!“

III

Великій постъ. Священникъ служитъ въ приписномъ поселкѣ. Церкви тамъ нѣтъ. Есть небольшая школа. Школьники за службами ведутъ себя изъ рукъ вонъ плохо.

— „А гдѣ же ваша учительница?“ — спрашиваетъ послѣ службы священникъ у учениковъ.

— „Уѣхала, услыхала, что Вы служить будете и уѣхала“, — откровенничаютъ малыши.

Проходитъ годъ. Наступаетъ опять постъ. Священникъ снова въ поселкѣ. Къ удивленію и учительница дома.

— „Спасибо, NN, что Вы помолились съ нами, и дѣти меньше шалили.“

— „Да, батюшка, Вамъ хорошо говорить помолились, а мнѣ каково. Эхъ, весна!... была бы я теперь въ городѣ! (на лицѣ сладкая истома)..... Поселился у насъ въ уѣздѣ инспекторъ: того гляди нагрянеть, въ школу..... Бѣда!... вотъ теперь и молись тутъ!... Жизнь!“.....

IV

Безъ $\frac{1}{4}$ девять. Ученики поютъ утреннюю молитву. Предъ иконой виситъ лампадка, но только на двухъ цѣпочкахъ и совсѣмъ безъ стаканчика для елея. — „NN, обращается законоучитель къ учителю послѣ молитвы, Вы говорили, что не имѣете средствъ на масло и фитильки, я Вамъ далъ. Почему же теперь не горитъ лампадка на молитвѣ?“

— „Да сказать Вамъ правду, я не нахожу возможнымъ. На моей отвѣтственности здоровье учениковъ, а отъ лампадки всегда запахъ..... Вообще это не гигиенично“.....

П. Піановъ.

Письмо вѣрующаго интеллигента.

Уфимскій епископъ Андрей въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ пастырямъ приводитъ письмо къ нему одного интеллигента, полное глубокой вѣры и живого интереса къ церковнымъ установленіямъ.

„Каждый разъ, когда мнѣ приходится близко присутствовать при совершеніи таинствъ,—такъ пишетъ образованный интеллигентъ,—и приходится вслушиваться, что говоритъ Церковь, я испытываю нѣкоторое священное волненіе и наплывъ самыхъ сложныхъ думъ. Между другими мыслями меня преслѣдуетъ одна: не глубокая-ли это ошибка и государства, и Церкви не дѣлать все возможное для распространенія богослужебныхъ книгъ? Я говорю не объ Евангеліи только и не о Посланіяхъ. Развѣ не слѣдуетъ со стороны священниковъ настаивать, чтобы каждая семья, считающая себя православною, непременно читала и вчитывалась въ обрядъ каждаго таинства, къ которому она прибѣгаетъ? Не читавшихъ и не выучившихъ наизусть чина вѣнчанія не слѣдовало бы вѣнчать. Львовцевъ, которымъ трудно выучить наизусть обрядъ исповѣди и причащенія, не слѣдовало бы исповѣдывать и приобщать. Отъ крещеныхъ нужно требовать, чтобы они знали не хуже чѣмъ самъ священникъ чинъ крещенія, т. е. весь кругъ тѣхъ молитвенныхъ воззваній, надеждъ, обязательствъ и отреченій, изъ которыхъ состоитъ обстановка этого основного таинства. Отъ готовящихся къ смерти, если они христіане, нужно требовать знанія всего торжественнаго и страшнаго обряда погребенія. Только при такомъ условіи Церковь вошла бы въ челоуѣка и уже не вышла бы изъ него. Теперь же челоуѣкъ, почти не участвующій сознаниемъ въ молитвахъ, которыхъ онъ не знаетъ, столько же разъ выходитъ изъ святилища, сколько входитъ въ него. Если правда, что вся сила вѣры въ апостольскомъ поученіи, то, казалось бы, все дѣло священниковъ—учить, учить и учить народъ, внушать, внушать и внушать, то, чѣмъ они должны быть полны сами. Изумительно теперешнее равнодушіе народа и образованнаго общества къ Евангелію и Посланіямъ. Въ среднемъ едва ли хоть одинъ изъ ста челоуѣкъ даже разъ въ жизни прочелъ эти книги, которыя можно прочесть въ одинъ лѣтній день. Это равнодушіе къ священному писанію объясняется, я думаю, тѣмъ, что православные остаются весь вѣкъ свой и умираютъ ненастроенными церковно, не втянутыми въ психологію Церкви, не воспитанными въ христіанской обрядности. Будь священ-

никомъ, мнѣ кажется, я чувствовалъ бы себя какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, переполненнымъ музыкой и мыслью Церкви, и отъ „избытка сердца“, непременно старался бы, чтобы душа моихъ пасомыхъ также звучала молитвенно и мыслила молитвенно. А это невозможно безъ глубокаго внѣдренія въ себя и въ окружающихъ самого обряда богослуженія таинствъ. Какъ жаль, какъ глубоко жаль, что когда-то, еще въ прошлые доврчивые вѣка у насъ не было сдѣлано этого необходимаго усилія въ религиозной пропагандѣ! Иною была бы Церковь, инымъ народомъ... Теперь много уже поздно“.

Помѣстивши въ епархіальномъ органѣ это письмо, Преосвящ. Андрей обращается къ пастырямъ:

„Посмотрите же, отцы—пастыри, чего ожидаетъ отъ насъ вѣрующая интеллигенція: посмотрите, что для нея нужно и, по возможности, не пренебрегите ея добрыми намѣреніями и желаніями“.

(О. Е. В.).

КАКЪ ЖИВЕТСЯ РУССКИМЪ ВОЕННО-ПЛѢННЫМЪ ВЪ ГЕРМАНИИ

Всѣ чины русской арміи, безъ различія ихъ званія и положенія, какъ то: офицеры, врачи, чиновники, священники, нижніе чины и даже сестры милосердія, попадая въ плѣнъ къ нѣмцамъ, то съ самаго начала и по настоящее время подвергаются жестокимъ пыткамъ, оскорбительнымъ униженіямъ и невѣроятнымъ притѣсненіямъ.

Прежде всего нѣмцы, при захватѣ въ плѣнъ русскихъ, отнимаютъ у нихъ деньги, вещи и все карманное имущество; такъ, по крайней мѣрѣ, они поступили со мною и то же самое мнѣ рассказывали и другіе плѣнные. У офицеровъ, кромѣ того, срываютъ погоны, половные уборы, нагрудные знаки и ордена; у нижнихъ чиновъ снимаютъ сапоги, шинели, бывали даже случаи снятія родительскихъ благословеній—нагрудныхъ крестиковъ и иконъ.

Во время отпращиванія въ плѣнъ, съ мѣста захвата до посадки въ вагоны, плѣнныхъ гонятъ по нѣскольکو сотъ верстъ пѣшкомъ, ежедневно отъ 45 до

60 верстъ, нисколько не считаясь съ слабостью больныхъ и раненыхъ, а напротивъ, таковыхъ жестоко бьютъ прикладами, шашками и штыками и только въ рѣдкихъ случаяхъ очень больныхъ и тяжело раненыхъ иногда усаживаютъ на случайно попадающія по пути телыги. Такъ, на примѣръ, я лично подвергался частымъ побоямъ прикладами и пинками со стороны конвоировъ и массы встречныхъ воинскихъ чиновъ, которые почему то признавали меня то за шпиона, то за казака и угрожали мнѣ своими пиками и штыками, поднося ихъ къ моему лицу и глазамъ. Слѣдовавшіе со мной въ одной партіи наши офицеры всегда вступались за меня, но это нисколько не помогло и лишь тогда я избавился отъ побоевъ, насмѣшекъ и угрозъ, когда по совѣту конвоировавшаго нѣмецкаго прапорщика на одной изъ ночныхъ стоянокъ мнѣ обрѣзали волосы и переодѣли въ шинель.

По настойчивой просьбѣ нашихъ г. г. офицеровъ меня, какъ совершенно больного и еще двухъ тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ посадили на проѣзжавшую по пути подводу и впередъ отправили въ г. Кѣльцы, куда мы прибыли нѣсколько раньше слѣдовавшей за нами партіи плѣнныхъ.

Въ Кѣльцахъ насъ высадили на улицѣ въ ожиданіи прибытія партіи и нашъ изможденный видъ вызывалъ неподдѣльный ужасъ у проходившихъ мимо горожанъ, такъ какъ въ пути плѣнныхъ совершенно не кормили и даже не позволяли напиться воды. Одна интеллигентная дама изъ состраданія съ разрѣшенія конвоира, подала мнѣ кусокъ бѣлаго хлѣба и колоасы, но нѣмецкій городовой, увидѣвъ это, ударилъ ее ножнами шашки съ такой силой, что она несчастная свалилась на землю. Этотъ грубый поступокъ нѣмца вызвалъ у насъ невольныя слезы за пострадавшую. Но вслѣдъ за этимъ мы были еще болѣе поражены тѣми невѣроятными поруганіями и оскверненіями нашихъ православныхъ храмовъ и ихъ святынь, какія совершались здѣсь на нашихъ глазахъ.

Въ г. Кѣльцахъ часть плѣнныхъ въ томъ числѣ и меня помѣстили въ соборномъ православномъ храмѣ, а остальные въ городскомъ саду. Не хватаетъ словъ, чтобы изобразить всѣ тѣ мерзости, какія учиняли нѣмцы въ этомъ соборѣ. Св. престолъ сдвину-

ли съ мѣста и обратили въ закусочный столъ, на немъ сидѣли, ѣли, пили пиво, вино, кофе изъ богослужебныхъ сосудовъ; иконы, орнаменты и другіе деревянные предметы ломали на растопки печей и костровъ, другая утварь и богослужебныя книги всюду валялись подъ ногами въ полномъ поруганіи, церковныя и священническія облаченія употребляли на постилки, портянки и другіе несоотвѣтствующія надобности. За двое сутокъ пребыванія въ этомъ храмѣ я ни разу не видѣлъ, чтобы кто нибудь изъ нѣмцевъ хотя бы изъ приличія снялъ шапку, а всѣ, какъ нижніе чины, такъ и офицеры постоянно сидѣли въ шапкахъ и съ сигарами въ зубахъ; въ пристройкахъ храма, ризницахъ и переднихъ каморкахъ даже оправлялись. Такое же самое поруганіе я видѣлъ и въ одной полковой нашей церкви въ г. Радомѣ, гдѣ нѣмцы помѣстили своихъ легко раненыхъ солдатъ, съ которыми и я нѣкоторое время находился.

Не съ большимъ уваженіемъ къ нашему православному богослуженію нѣмцы отнеслись и въ самомъ плѣну у себя въ Германіи. На богослуженіе конвоирующіе и приходящіе изъ простаго любопытства являлись всегда въ шапкахъ и съ сигарами въ зубахъ; коменданты лагерей строго запрещали молигся за нашего государя, его царствующій домъ и Великаго Князя Николая Николаевича. Долженъ замѣтить, что особенную ненависть они питали къ послѣднему, такъ что даже случайно упомянутое имя Великаго Князя Николая Николаевича приводило къждаго нѣмца въ нервное ожесточеніе и неистовство.

Въ г. Стендалѣ, гдѣ я пробылъ болѣе года имѣлъ мѣсто слѣдующій возмутительный случай. Однажды одинъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ, сопровождавшій меня на богослуженіе, во время службы стоялъ рядомъ со мной въ шапкѣ. Я попросилъ его снять шапку, что онъ неохотно и сдѣлалъ, но положилъ ее на св. Евангеліе, тогда я лично принялъ ее и передалъ держать одному нашему солдату. Въ отместку за это этотъ унтеръ-офицеръ, когда велъ меня обратно въ отведенное мнѣ помѣщеніе, ударилъ меня въ спину ногой такъ, что я не удержался и упалъ.

При перевозкѣ плѣнныхъ по желѣзной дорогѣ, съ ними не считаются, какъ съ людьми, а обращаются какъ съ животными: нижнихъ чиновъ набиваютъ въ товарные вагоны по 150—200 чел.

При такой тѣснотѣ не только лежать, но и сидѣть не представлялось возможнымъ, вагоны наглухо запирали и за трое сутокъ слѣдованія по желѣзной дорогѣ только одинъ разъ выпускали ихъ по естественнымъ надобностямъ. Офицерскихъ чиновъ везли въ вагонахъ 3-го класса, по 8 человекъ въ тѣсномъ купе. Переходъ пѣшкомъ въ 170 верстъ, притомъ безъ пищи, сильно изнурилъ большинство и отдыхъ былъ крайне необходимъ, но при такой тѣснотѣ спать было положительно негдѣ и только самые изнуренные подвѣшивали себя для отдыха на багажныхъ сѣткахъ, которыя надо замѣтить, значительно же, чѣмъ въ нашихъ вагонахъ.

Населеніе Германіи при проѣздѣ плѣнныхъ выражало нашимъ конвойрамъ восторженные привѣтствія, насъ же всюду сопровождало гурбой бранью, угрозами и насмѣшками.

Въ самомъ плѣну жизнь плѣнныхъ болѣе тяжела, чѣмъ положеніе преступниковъ по тюрьмамъ и каторгамъ. Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ, по произволу нѣмецкой администраціи, примѣры жестокостей и звѣрствъ превосходятъ всякія предположенія.

Первый лагерь, куда насъ привези 9 октяб. 1914 года былъ въ г. Бургѣ. Этотъ лагерь былъ офицерскій, человекъ на 900. Большинство плѣнныхъ въ этомъ лагерѣ были русскіе офицеры, но были тамъ же и французы, англичане и бельгійцы. Долженъ пояснить, что въ Германіи лагеря отдѣльно для офицеровъ и отдѣльно для нижнихъ чиновъ, а весной 1915 г. кромѣ того распредѣлили военноплѣнныхъ отдѣльно по національностямъ: малороссовъ, поляковъ, грузинъ и татаръ. При офицерскихъ лагеряхъ содержатся нижніе чины только въ качествѣ прислуги, считая одного солдата человекъ на 10—15 офицеровъ. Лагерь въ г. Бургѣ устроенъ за городомъ въ артиллерійскихъ сараяхъ, приспособленныхъ въ жилия помѣщенія и обнесенъ, какъ и всѣ другіе видѣнные мною лагеря высокой, аршинъ 5—6 проволочной рѣшеткой: всюду по угламъ и у воротъ часовые и выходъ за черту лагеря никому изъ плѣнныхъ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается. Внутри лагерного двора была кантина (лавочка), гдѣ плѣнные въ дневные часы до заката солнца могли покупать бѣлье, обувь письменныя принадлежности, фрукты и даже на первыхъ порахъ

съѣстные припасы, какъ въ сыромъ, такъ и въ изготовленномъ видѣ. Но частная продажа хлѣба и съѣстныхъ припасовъ существовала только до 1-го февраля 1915 г., а съ этого времени на съѣстные продукты стали постепенно вводиться спеціальныя карточки, которыя плѣннымъ не выдавались, и въ настоящее время нельзя уже купить ничего изъ съѣстного ни за какія деньги. Спеціальныя карточки введены на хлѣбъ, мясо, масло сахаръ, денатурованный спиртъ и многіе другіе предметы.

Общій режимъ бургскаго лагеря былъ таковъ: Офицеры помѣщались отъ 9 до 40 человекъ въ одной комнатѣ; для каждого была кровать съ матрацомъ и подушкой, набитыя тростникомъ или же деревянными стружками, постельное бѣлье, котрое, кстати сказать мѣнялось мѣсяца черезъ два—три, скамейка, общая полка для вещей и по срединѣ комнаты небольшіе столы человекъ на 5—6 числомъ въ зависимости отъ количества людей. Въ этихъ же помѣщеніяхъ обѣдали, ужинали и пили кофе. Пища была такая: въ 8 часовъ утра чашка жидкаго кофе, на первыхъ порахъ къ котрому иной разъ подавалось и молоко, два кусочка сахару, которые по своему качеству и величинѣ не составляютъ и одного нашего куска и одна булочка величиною въ нашу копѣчную по мирному времени: (въ частной продажѣ такая булочка стоила 5 пфениговъ): въ 12 часовъ дня обѣдъ изъ одного блюда, чаще всего изъ картофельнаго, чечевичнаго, бобоваго или же изъ моркови или рѣпы, супа съ маленькимъ кусочкомъ мяса, иной разъ очень подозрительнаго вида и вкуса, золотниковъ 10—15. Вначалѣ мясо давалось, ежедневно, а потомъ были введены немясные дни въ 15 году по 2 дня въ недѣлю, а въ 16 по три дня и въ такіе дни мясо замѣнялось картофелемъ или же треской съ неприятнымъ въ высшей степени запахомъ и такимъ же противнымъ вкусомъ. Къ обѣду хлѣба не давали. Въ 7 часовъ вечера ужинъ въ большинствѣ случаевъ изъ бутербродовъ съ кровяной колбасой, съ масломъ, сыромъ и чашка чая безъ сахару, въ иные дни на ужинъ давали селедку съ нечищенымъ картофелемъ или же жидкій рисовый молочный супъ и въ такихъ случаяхъ хлѣба уже не давали. По количеству пищи выдавали очень недостаточно и тѣмъ болѣе, что обѣдъ и ужинъ выдавался не по персонно, а на всю комнату въ од-

ной посудѣ, то нѣкоторымъ и вовсе не хватало. Въ 7 часовъ утра обязательно всѣ должны были вставать, а въ случаѣ кто либо иной разъ засыпалъ дольше, тотъ въ наказаніе въ слѣдующіе 3—4 дня долженъ былъ являться въ 4 часа утра къ дежурному унтеръ-офицеру. Послѣ утренняго кофе всѣ по звонку должны были выходить на часъ во дворъ и въ это время производилась уборка помѣщеній. Черезъ часъ опять собирались по звонку по своимъ мѣстамъ и производилась повѣрка дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, а иной разъ и самимъ комендантомъ. Послѣ повѣрки до заката солнца разрѣшалось гулять во дворѣ въ чертѣ лагеря. Въ 10 часовъ вторично производилась повѣрка и тушились огни. Письма офицеры могли писать по понедѣльникамъ и только открытки и карандашами, а потомъ въ добавокъ было разрѣшено еще два закрытыя письма 1-го и 15 числа каждого мѣсяца, но письма какъ оказалось, выдерживались какъ бы въ карантинѣ, по 10 дней послѣ подачи: переписка между собой плѣнныхъ внутри Германіи не разрѣшалась. У кого имѣлись деньги, оставляли на рукахъ не болѣе 20 марокъ, а остальная сумма должна была сдаваться въ комендантуру на храненіе, причемъ, деньги, выдаваемые на руки были не государственнаго образца, а особыя марки, имѣющія обращеніе только внутри лагеря, а въ городъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ за деньги не принимали. Это сдѣлано съ цѣлью предупрежденія возможнаго подкупа. Содержаніе плѣннымъ выдавалось перваго числа каждого мѣсяца: до капитанскаго чина по 60 марокъ, въ мѣсяцъ, а съ капитанскаго включительно до генераловъ, въ томъ числѣ и духовенству по 100 марокъ изъ этой суммы удерживали впередъ за столъ по 48 марокъ, а въ другихъ лагеряхъ по 55 марокъ и болѣе. Съ октября мѣсяца 1915 г. выдача содержанія увеличена по рангамъ офицерскихъ чиновъ и теперь самыя младшія офицерскія чины получаютъ по 113 марокъ въ мѣсяцъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удержанія за столъ увеличены.

Бургскій лагерь по своимъ условіямъ и по нраву коменданта барона Фонъ-Мадай не отличался особыми жестокостями и послѣ неудобствъ, пережитыхъ въ пути положеніе казалось возможно терпимымъ, только очень долго нельзя было избавиться отъ тѣхъ

нечистотъ, какія завелись еще въ дорогѣ. Но и въ этомъ лагерѣ все таки имѣлъ мѣсто слѣдующій возмутительный случай.

Лагерными правилами запрещалось въ дневное время лежать и сидѣть на кроватяхъ. Однажды одинъ нашъ старый подполковникъ, раненый въ ногу, вопреки этихъ правилъ, послѣ обѣда легъ на кровать. Увидѣвъ это, караульный ударилъ его шашкой по спинѣ и больной ногѣ отъ чего пострадавшій даже вскричалъ. Съ офицерскимъ достоинствомъ плѣнныхъ нѣмцы не считаютъ и тѣхъ, которые отстаивали свое достоинство, переводили въ наказаніе на положеніе нижнихъ чиновъ, лишая ихъ содержанія и прислуги и посылали таковыхъ на уборку помѣщенія и даже отхожихъ мѣстъ. Въ такомъ положеніи содержалось 33 нашихъ офицера въ отдѣльномъ лагерѣ въ г. Стендаль въ теченіе 2 мѣсяцевъ за то, что они отказались снять погоны. Форму плѣнные должны носить только военную; въ штатскомъ костюмѣ ходить не разрѣшали, въ виду участившихся случаевъ побѣговъ.

24 Ноября 1914 г. меня перевели въ солдатскій лагерь въ г. Стендаль, гдѣ я пробылъ до 8 января 1916 г. Этотъ лагерь по своимъ условіямъ, благодаря характерной нѣмецкой строгости и грубости коменданта, полковника Краузе, отличался болѣе стѣснительнымъ режимомъ.

По прибытіи туда, меня помѣстили въ гусарскихъ казармахъ, расположенныхъ въ городѣ, въ отдѣльной комнаткѣ на второмъ этажѣ; у двери стоялъ часовой и выходъ изъ комнаты не разрѣшался даже въ корридоръ, на ночь, кромѣ того, запирали на ключъ. Въ тѣхъ же казармахъ по сосѣдству помѣщались военно-плѣнные врачи: нашихъ 4, французскихъ 5 и бельгійскихъ 5, но свиданія съ ними мнѣ не разрѣшали. Одиночество было очень томительное и угнетающее и что бы не дойти до отчаянія, я сталъ заниматься изученіемъ нѣмецкаго языка, знаніе котораго до нѣкоторой степени облегчаетъ участь плѣннаго. Врачи помѣщались въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ, на обѣдъ и ужинъ они ходили въ другое зданіе, тутъ же во дворъ и въ дневное время имъ разрѣшались прогулки въ казарменномъ дворѣ; мнѣ же обѣдъ и ужинъ приносили въ мое помѣщеніе. Питаніе въ лагерь по

качеству было хуже, чѣмъ въ предыдущемъ, а удерживали за него по 2 марки въ сутки. Въ такихъ условіяхъ меня содержали цѣлый мѣсяць, а потомъ перевели въ комнату врачей. Наши помѣщенія освѣщались керосинными лампами, но керосина выдавали такъ мало, что больше приходилось сидѣть по вечерамъ въ темнотѣ, или же покупать черезъ кантину свои свѣчи, которыхъ не всегда было возможно достать. Насъ тамъ неоднократно обыскивали самымъ тщательнымъ образомъ, раздѣвая даже до нага, забирали всѣ записочки даже невиннаго содержанія, отнимали чернила, перья и др. вещи.

Когда по моему требованію мнѣ разрѣшили совершать богослуженіе въ лагерь военнопленныхъ, который былъ устроенъ за городомъ, то однажды, когда я отправился на богослуженіе, изъ окна одного дома по моему направленію раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла надъ моей головой; не могу сказать былъ ли это выстрѣлъ случайный или же умышленный.

6 февраля 1915 г. изъ гусарскихъ казармъ насъ всѣхъ перевели въ лагерь военнопленныхъ. Тамъ насъ помѣстили въ баракъ 1-ой компаніи, гдѣ было устроено 5 отдѣльныхъ небольшихъ комнатъ для жилья и отдѣльная комната для столовой. Меня и нашего старшаго врача Разумова помѣстили по одиночкѣ, а остальныхъ по три человекъ въ комнату, разрѣшили гулять во дворѣ компаніи и назначили намъ деньщиковъ изъ нашихъ же нижнихъ чиновъ. Такъ мы сравнительно удобнѣе и спокойнѣе жили до 1 мая 1915 г. 1 мая у насъ всѣхъ снова произвели самый тщательный обыскъ и за то, что у врача Разумова нашли замѣтки относительно жестокостей и издѣвательствъ надъ пленными, насъ всѣхъ перевели въ отдѣльный изоляціонный лагерь, куда присылали тифозныхъ больныхъ изъ другихъ лагерей. До какой степени нѣмцы чинили надъ нами свои пакости, видно изъ того, что переводъ нашъ въ этотъ лагерь устроили не днемъ, а въ два часа ночи съ тѣмъ только, чтобы причинить намъ безпокойство. Въ этомъ лагерѣ продержали насъ мѣсяць, но къ счастью сказать, никто изъ насъ не заболѣлъ, а потомъ опять перевели насъ на старые мѣста. Къ тому времени бельгійскіе врачи и часть французскихъ были уже

отправлены на родину, а нѣкоторые изъ нашихъ и французскихъ переведены въ другіе лагеря, гдѣ свирѣпствовала тифозная эпидемія и насъ оставшихся размѣстили по одиночкѣ и у выхода, въ корридорѣ и у оконъ были поставлены часовые. Переходить другъ къ другу уже не разрѣшали и стоять у оконъ и открывать таковые тоже не позволяли, предупредивъ, что часовые будутъ колоть или же стрѣлять; нижнимъ чинамъ тоже строго было приказано не подходить близко къ нашимъ помѣщеніямъ и съ нами не разговаривать. Такъ какъ это было въ іюнь и въ іюль мѣсяцъ, то отъ жары приходилось положительно изнывать и задыхаться. Сняли стражу и позволили выходить во дворъ чуть въ августъ мѣсяцъ, но такъ какъ было приказано не вступать съ нижними чинами ни въ какіе разговоры и даже не отвѣчать на ихъ привѣтствія, то мы и сами находили неудобнымъ пользоваться выходами при такихъ ограниченіяхъ. Такія условія сильно отразились на нервной системѣ и довели меня до нервныхъ припадковъ. Скучность, а главное недоброкачественность пищи и душевныя страданія окончательно разстроили мое здоровье и когда въ ноябрѣ мѣсяцъ этотъ лагерь посѣщала наша сестра милосердія Г-жа Самсонова, по ея ходатайству былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ меня въ лучшій лагерь по климатическимъ условіямъ. Переводъ мой состоялся 8 января 1916 г. въ офицерскій лагерь въ г. Гайдельбергъ, гдѣ вторично возникъ вопросъ объ освидѣтельствованіи моего здоровья, по состоянію котораго меня и отправили изъ плѣна, какъ инвалида.

Кстати замѣтить, что при посѣщеніи лагерей нашими сестрами милосердія, а равно и другими представителями отъ разныхъ нейтральныхъ государствъ, чтобы создать о себѣ выгодное мнѣніе, нѣмцы проявляли большую предупредительность и несвойственную имъ любезность, но никого изъ этихъ посѣтителей къ намъ лично (ко мнѣ и врачамъ) не допускали, а только къ нижнимъ чинамъ и показывали имъ видимую сторону лагерей, больше хвастая своими внѣшними благоустройствами, какъ то: мастерскими, пожарными машинами, свиарнями, содержимыми при лагеряхъ, купальными бассейнами, цвѣтниками и т. п., созданными подъ тяжелой плетью непосильными

трусами самихъ же плѣнныхъ. Посѣщеніе насъ лично сестрой милосердія произошло чисто случайно: когда ее проводили мимо нашего помѣщенія, я стоялъ у окна и просилъ ее зайти къ намъ хотя бы на минуту. Послѣ осмотра лагеря ей дозволили зайти къ намъ даже безъ нѣмецкихъ представителей, а только съ сопровождавшимъ ее датчаниномъ, но на очень короткое время — не болѣе 10 минутъ.

Если такъ безцеремонно, какъ видно изъ всего сказаннаго, нѣмцы обращались съ нами, персоналомъ Краснаго Креста и г. г. офицерами, благодаря чему многіе не въ состояніи были вынести такого режима и подверглись психическимъ заболѣваніямъ и даже бывали на этой почвѣ примѣры самоубійства, то положеніе нижнихъ чиновъ, какъ въ этомъ лагерѣ, и въ другихъ мною видѣнныхъ, было значительно хуже.

Прежде всего нужно сказать, что бараки для плѣнныхъ устроили лишь только къ концу 1914 годъ, а до этого времени плѣнные жили подъ открытымъ небомъ, спали на сырой землѣ, не имѣя ни шинелей, ни одѣялъ, а у нѣкоторыхъ не было и сапогъ, благодаря чему стали частыя легочныя заболѣванія. Госпитали и лазареты, по мимо раненыхъ, были переполнены больными. Смертные случаи участились и во многихъ мѣстахъ образовались новыя кладбища исключительно изъ низшихъ военноплѣнныхъ.

О пищѣ нижнихъ чиновъ много не приходится говорить, она настолько плоха и выдается въ такомъ маломъ количествѣ, что плѣнные буквально голодаютъ и неудивительно, что наблюдались случаи, какъ наши нижніе чины разгребали отбросныя ямы и доставали оттуда разные объѣдки. Пища состояла въ слѣдующемъ: утромъ какая то бурда подъ видомъ кофе безъ сахару и хлѣба, на обѣдъ картофельный или же изъ рѣпы или моркови супъ, отвратительнаго вкуса тоже безъ хлѣба, на ужинъ рыбный супъ, изъ вонючей трески, или же гнилая селедка съ картофелемъ и установленная порція хлѣба изъ разныхъ сурогатовъ; картофельной, бобовой и даже соломенной муки. Вначалѣ хлѣба выдавали по фунту на человѣка, а потомъ по 100 граммъ. Чаю никогда не выдавали и кипятильниковъ для горячей воды не имѣется. Въ существующихъ при лагеряхъ кантинахъ (лавочкахъ) изъ сѣстнаго можно купить только карто-

фель (1 ф. 10 пфениговъ) и изрѣдка гнилую селедку. Вопросъ питанія плѣнныхъ уллучился къ концу 1915 г. когда стали сравнительно чаще получаться посылки съ съѣстными припасами, какъ отъ родныхъ, такъ главнымъ образомъ, изъ Стокгольмскаго Комитета Краснаго Креста, который дѣйствительно, оказываетъ всѣмъ военноплѣннымъ большую поддержку всевозможными посылками, какъ то: сухарями, чаемъ, сахаромъ, табакомъ, бѣльемъ, снабженіемъ книгъ религіозно-нравственнаго и просвѣтительнаго содержанія и возстановленіемъ связи военноплѣнныхъ въ перепискѣ съ родными. Посылки съ съѣстными припасами такимъ образомъ, составляютъ главную поддержку въ питаніи плѣнныхъ, но за аккуратность полученія по назначенію, особенно частныхъ посылокъ, ручаться нельзя. Получаемыя посылки выдаются адресатамъ послѣ тщательнаго осмотра и былъ, на примѣръ случай съ моимъ деньщикомъ, что ему выдали посылку въ которой оказалось только пара портянокъ, а между тѣмъ мѣшокъ изъ подъ посылки былъ большой, но все остальное было какъ видно, вытащено. Тоже самое можно сказать и относительно выдачи переводовъ; такъ на примѣръ, доктору Разумову въ одномъ письмѣ было сообщено что ему выслано 300 или 500 руб. (хорошо не помню), но этихъ денегъ онъ и по сію пору не получилъ. Въ Гайдельбергѣ въ рабочей комнатѣ два нашихъ нижнихъ чина мнѣ тоже жаловались, что имъ пришли деньги, одному, кажется, 20 марокъ, а другому 7, но имъ выдали только по 2 марки. Вотъ та хваленая нѣмецкая честность, которую многие и изъ насъ когда то ставили въ примѣръ и образецъ.

Письма нижнимъ чинамъ разрѣшается писать только 2 раза въ мѣсяць, а бывали времена когда цѣлыми мѣсяцами переписка не дозволялась и бывали частые случаи, что сданныя письма находили подъ заборами и въ мусорныхъ ямахъ.

Недостатокъ пищи, не смотря на предупредительныя мѣры прививки плѣннымъ оспы, тифа и холеры, весною 1915 г. во многихъ лагеряхъ вызвалъ эпидемическія заболѣванія, такъ называемаго голоднаго тифа и холеры. Такъ въ г. Гардемгенѣ, куда я 6 декабря 1915 г. былъ командированъ для совершенія богослуженія, весною того же года среди плѣнныхъ поя-

вился тифъ и мыѣ рассказывали, что нѣмецкій врачъ, съ появленіемъ эпидеміи, покинулъ лагерь и туда прислали изъ другихъ лагерей 6 русскихъ и 10 французскихъ врачей, не давъ имъ никакихъ средствъ для борьбы съ заразой. На требованіе врачей прислать имъ медикаментовъ противъ заразы, вмѣсто лекарствъ имъ прислали 200) грбовъ. Въ результатѣ изъ 12 тысячъ плѣнныхъ въ этомъ лагерѣ умерло свыше 3 тысячъ русскихъ и 5 тысячъ французскихъ нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ одинъ русскій врачъ, 6 французскихъ и 10 французскихъ священниковъ.

(Вол. Еп. Вѣд.)

**Совѣтъ для усиленія средствъ Елисаветинской
Общины сестеръ милосердія Россійскаго Общества
КРАСНАГО КРЕСТА**

(Петроградъ, Полюстровская наб., д. № 52)

ПРИНИМАЕТЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯ

на нужды ОБЩИНЫ и ея ЛЕЧЕБНИЦЪ,

при чемъ въ память о пожертвованіи
единовременно не менѣе 10 руб. выдаетъ **СЕРЕБРЯНЫЕ,**
а не менѣе 100 р. **ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ** напечатаннаго
образца. Деньги слѣдуетъ посылать: Въ Петроградъ, Водо-
проводный пер., д. № 4, чрезъ 15-е п.-т. о. Совѣту для усиле-
нія средствъ Елисаветинской Общины сестеръ милосердія.

ПРАВОСЛАВНО-НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

„ЦЕРКОВНОСТЬ“

(седьмой годъ изданія).

Выходитъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ подъ редакціей протоіерея І. І. Восторгова.

Цель изданія — дать народу назидательное чтеніе, примѣ-
празднуемому церковью событію и оградить народъ
иды сектантства. Съ 1917 г. будутъ печататься крат-
законоучителя съ дѣтьми, веденныя редакторомъ
въ школы въ теченіе трехъ лѣтъ. Помѣщаемый въ
„Церковности“ матеріалъ можетъ служить для проповѣди и со-
бесѣдованій съ народомъ.

Иногороднымъ подписчикамъ „Церковности“ высылается за-
благовременно.

Подписная цѣна на 1917 годъ: съ доставкою и пересылкою
— 1 р. 50 к.; сотнями и полусотнями (для бесплатной раздачи
и продажи при церквахъ) — 1 р., безъ доставки въ Москвѣ —
75 к.; на меньшіе сроки — по расчету.

Церковные причты и старосты, выписывающіе „Церковности“
для раздачи и продажи, деньги за нее могутъ высылать по
честямъ въ теченіе года.

Адресъ редакціи: Москва, Каретный рядъ, Лиховъ пер
Епархіальный домъ.

Содержаніе неоффиц. части: Христосъ Воскресе! — Кар-
тинки съ натуры. — Письмо вѣрующаго интеллигента. — Какъ жи-
вится русскимъ въ военнопленнымъ въ Германіи.

Отвѣств. редакторъ неоф. части прот. В. Антоновъ.